

УДК 81-112.4
DOI: 10.17223/19986645/45/2

Е.В. Генералова

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ¹

В статье на базе данных исторических словарей и картотек рассматриваются процессы, происходящие в период начального формирования русского литературного языка в группе относительных прилагательных. В это время в языке значительно возрастает фонд этих слов и количество их фиксации в текстах, семантика относительных прилагательных обогащается разнообразными оттенками и типизируется. Современное языковое состояние в среде русских относительных прилагательных во многом восходит к периоду XVI–XVII вв.

Ключевые слова: имя прилагательное, историческая лексикология, семантика, устойчивые сочетания, лексико-грамматические разряды прилагательных.

Введение

Имена прилагательные, составляющие неотъемлемую часть словарного состава русского языка разных эпох, во многом и придают русскому языку его неповторимую окраску и уникальный характер, описывая огромное богатство оттенков отношения, позволяя точно охарактеризовать объект, выразить отношение к нему, создать индивидуальный, неповторимый контекст, будучи выбранными из синонимического ряда.

Разные аспекты истории имен прилагательных в русском языке (формирование прилагательных как части речи, вопрос деления прилагательных на лексико-грамматические разряды, деривационные и семантические аспекты, системные связи внутри группы, взаимодействие прилагательных и причастий, соотношение полных и кратких форм прилагательных и др.) были предметом внимания таких исследователей, как Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.П. Якубинский, Е.А. Земская, А.Н. Шрамм, В.В. Колесов, Т.И. Вендина, Г.М. Щипицына, Ж.П. Соколовская и др.

Имена прилагательные сыграли исключительную роль в процессе формирования среднего слога [1. С. 20]. Функционирование имен прилагательных в разные периоды истории русского языка рассматривается в работах Н.Г. Михайловской, Г.А. Лукиной, Н.Б. Бахилиной, Ю.С. Сорокина, З.М. Петровой, Е.С. Биржаковой, З.К. Тарланова, А.А. Котова и др. Исследование языкового материала показывает, что истоки формирования богатства и своеобразия русской языковой системы в области имен прилагательных (ИП) восходят к периоду начального формирования русского литературного языка – XVI–XVII вв. Это так называемый старорусский (московский) период истории русского языка, ознаменованный важнейшим процессом – началом сложения базы национального языка; «обследование и разъяснение лексики именно этого периода даст историческое освещение основному составу словаря со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

временного русского языка» [2. С. 595]. При том что конкретные исследования посвящены диахроническому анализу различных, выделенных, как правило, по тематическому и словообразовательному принципам групп прилагательных (см., например, [3–6]), изучение функционирования прилагательных в целом в языке Московской Руси не было предметом специального анализа.

Настоящая статья посвящена рассмотрению процессов, происходящих в это время в самой многочисленной группе русских прилагательных – группе относительных ИП. Языковой базой исследования послужили данные исторических словарей и картотек, в первую очередь материалы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [7], картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», хранящейся в межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ, и «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [8].

Сделаем вначале несколько предварительных замечаний относительно авторской позиции по некоторым дискуссионным вопросам, подробное рассмотрение которых не входило в задачи настоящей работы.

1. Обозначение относительных ИП как объекта исследования неоднозначно в связи со сложностью вопроса о лексико-грамматических разрядах ИП. Выделение основных групп признаков слов восходит еще к античной традиции; в истории отечественной лингвистики к этой проблеме обращались М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.М. Пешковский и др., предлагая различные классификации. В современной русистике, однако, нет единого мнения относительно статуса этой категории (контекстуального или системного), количества разрядов прилагательных (от отрицания выделения таких разрядов и общего деления на две основные группы (качественные и относительные) до более частного – с выделением до пяти групп), оснований выделения разрядов ИП. В настоящей работе придерживаемся позиции, восходящей к работам А.А. Шахматова, согласно которой выделяются три разряда ИП: качественные, относительные, притяжательные – и считаем семантический критерий важнейшим при определении разряда ИП («...граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [9. С. 170]).

2. Другая существенная, имеющая значительную историю, но до сих пор не решенная лексикологическая проблема – вопрос о семантике относительных ИП. А.Е. Родионова, обобщая теоретические позиции в понимании семантики относительных ИП, выявляет три таких подхода и пишет, что семантика отсубстантивного относительного прилагательного понимается: 1) как значение синтаксического деривата производящего имени; 2) обозначение отношения к предмету, названному производящим именем; 3) отражение пропозиции, один из актантов которой назван производящим именем, второй – определяемым словом, а предикат, т.е. функция, имплицирован [10]. С нашей точки зрения, в исторической лексикологии правомерным представляется пропозиционно-актантный (третий) подход, в соответствии с которым отдельные конкретные значения ИП выделяются в зависимости от контекста на основе отношения существительного, от которого образовано ИП, и суще-

ствительного, определяемого ИП (М.В. Никитин подчеркивает, что относительные ИП обозначают не признаки, а вещи, и в результате определения ими существительных возникает отношение между двумя предметами [11. С. 243]). Использование этого принципа при рассмотрении конечного и, безусловно, фрагментарного материала имеющихся письменных источников (особенно относящихся к достаточно отдаленным периодам истории языка, в частности к донациональному состоянию) позволяет избежать гипотетических реконструкций и выведения так называемых общих, системных значений, а также отвечает одному из основополагающих положений ленинградской-петербургской школы исторической лексикологии, изучающей слово в его функционировании в тексте и значение как существующее в зафиксированных контекстах.

3. Логически проистекает из выше обозначенной проблемы третий дискуссионный вопрос – лексикографическое представление ИП. Нельзя не согласиться с подробно исследовавшей категорию отношений в языке Р.М. Гайсиной, что приемлемое лексикографическое толкование относительных ИП может быть получено лишь в результате решения вопроса их семантики на теоретическом уровне [12. С. 89–90]. В соответствии с пропозиционно-актантным подходом и заявленным функциональным принципом значения относительных ИП должны описываться не как общая относительная семантика (*прил. к ...*) и не на основе типовых словообразовательных толкований, а прежде всего исходя из существующих контекстов и значения производящего и определяемого существительных. Такова практика и большинства исторических словарей.

Рассмотрим процессы, происходившие в группе относительных ИП в русском языке XVI–XVII вв.

Увеличение количества относительных прилагательных и их фиксаций в текстах

Тексты XVI–XVII вв. фиксируют значительное, существенно возрастающее по сравнению с предыдущим периодом количество относительных ИП. В первую очередь речь идет о памятниках делового и народно-разговорного языка, в которых и имеют место активные живые процессы сложения лексико-семантической системы будущего национального языка. С одной стороны, такое увеличение количества фиксаций ИП, возрастание их частотности в текстах во многом объяснимо жанром текстов. В таможенных, вкладных, меновых книгах, допросных речах требовалось максимально точное описание признаков товара, объекта собственности, предмета вклада, улики, угоды и т.п. (см. *игла конопатная, квасная изба, дрожжаной квас, псалтырь гадательная*), и тексты содержат достаточно много таких слов: *А по тем луком ведают они [варзужане] сами меж собя тони рыбные ловли... и в реки в Варзуги неводные, и гаровные, и поездные. (А. Солов. м., 67, 1575 г.), Зипунные, и штанные, и рубашечные, и чолошные, и сапожные, и верхечные обрески (Сл. Сибир., 18, 1654 г.), А товару с ними [купцами] ... пестредь полушелковая кашанская, пестредей ардевильских, изорбат серебряной, 5 косяков кружив золотных, 136 покрышек шемахинских (Россия и Восток (Инд.), 78, 1680 г.)*. С другой стороны, рост количества относительных ИП в текстах не

может быть объяснен исключительно жанром памятников и недостаточностью свидетельств древнерусского этапа в этом отношении. Увеличивается не только частотность прилагательных в текстах, растет сам их фонд: в памятниках XVI–XVII вв. встречается много новых, неизвестных в древнерусском языке лексем (см., например, *бревенный бронный даточный, запонный, депутатский, дестевой, дневальный, замашный* и др.). Появление новых лексем во многом обусловлено необходимостью обозначения новых признаков в связи с развитием общества, производства и т.п., а памятники делового и обиходного языка просто наиболее ярко отражают этот процесс. Характерно, что возникают не только новые лексемы, но и лексические объединения: например, А.А. Бурькин пишет о возникновении в деловых документах второй половины XVII в. группы ИП, образованных от числительных и являющихся наименованиями мер веса моржового клыка (*кость четверная, пятерная, шестерная* и т.д.) [13].

В XVI–XVII вв. русский язык активно обогащается новой предметной лексикой, а от новых существительных образуются новые относительные прилагательные (например, *бумажный, запальный, затинный, кричный, горный* (от *горн*), *пороховой* и др.). Развитие словообразовательного потенциала русского языка в XVI–XVII вв. приводит к тому, что ИП с относительной семантикой активно образуются практически от любого существительного (см. *погибельный, темнинный, бескуфейный, игрищный, желобчатый* и т.п.) и нередко глагола (*закрываальный, засеваальный*), легко возникают и необходимые сложения (*итиефимочный, дуборезский, водобежный, белопоместный, живопросольный, двоевсходный*).

Займствование как путь обогащения фонда прилагательных нетипично для этого периода. Напротив, интересно, что ряд западноевропейских прилагательных осваивается русским языком как существительные и включается в систему русского склонения (см. *брюкишь* ‘сукно, изготавливаемое в г. Брюгге’ (нем. *Brüggisch*), лексема известна в русском языке с XVI в. по разговорникам иностранных купцов (Анонимный разговорник, Разговорник Т. Фенне), а также по Торговой книге, содержащей подробные указания о выборе этой ткани; *лундышь* ‘дорогой сорт английского сукна, использовался для шитья верхней одежды’ (через польск. *łundysz, łuńskie sukno* от названия города Лондон), *никоцыань* (*никоциянь*) и *никоцыана* – название, под которым табак ввозился в Россию из Западной Европы в последние годы XVII в. (через нем. или фр. от лат. *herba Nicotiana*), от них зафиксированы и производные относительные прилагательные (*брюкишный, лундышный*). Займствованные прилагательные из европейских языков достаточно редки и малочастотны или даже известны в единичной фиксации: *вечистый, влоский, дюцкий, мосяровый, пуклястый, папылевый* (в сочетании *папылевая мазь* ‘мазь, сваренная из тополиных почек и сала’ (ДАИ 10, 1682 г.)), *реестровый, помаранчевый, посполитый* ‘простой, национальный’, преимущественно в устойчивых сочетаниях *речь посполитая, посполитое рушение*), *сталевый*. Большинство таких прилагательных европейского происхождения приходят в русский язык из польского языка или посредством «простой мовы», распространенной на юго-западе Руси. Все без исключения займствованные ИП включаются в систему русского словоизменения, несклоняемых ИП в языке этого периода не

зафиксировано, к этому же выводу приходит А.К. Рейцак на основе анализа более 400 германизмов, заимствованных в XVI–XVII вв. [14. С. 21]. Относительных ИП из восточных языков в язык Московской Руси заимствуется также немного.

Более значимым для пополнения фонда прилагательных в языке XVI–XVII вв. был процесс словообразовательного освоения заимствованных существительных. Первыми от них образовывались относительные производные прилагательные, и поскольку в XVI–XVII вв. заимствуется значительное количество конкретной лексики, в русском языке в этот период существенно возрастает количество относительных ИП, образованных от заимствованных основ. «Имена прилагательные от восточных заимствованных основ представляют собой в языке исследуемого периода довольно многочисленную группу» [15. С. 99], см., например: *алтабасный, аргамачий, атаманский, бесерменский, булатный, дорогильный, зуфный, камчатый, кумачный, кутняный, кушатчатый, сафьянный, слоновый, ханский* и др. [15. С. 99–102]. От заимствованных основ европейского происхождения фиксируются такие лексеммы, как *алебастровый, амный, аптекарский и аптековский, банковый, барочный, генеральный и генеральский, грошевый, гранатный, канальный, карабинный, каразинный, каретный, лимонный и лимоновый, люторский, манерный, мигдальный и мигдальский, монарший, москотильный (москотинный), мушкетный, мяндовый, нотный, оливный, павлиный, пансырный и пансырский, паргаминный, партесный, пастильный, перловый, персонный (парсунный), пистолетный, пистонный, пихтовый, помаранчевый, попугаев, радный и радский, ратушный и ратушский, рейтарный и рейтарский, розмаринный и розмариновый, рокѣтный и рокѣточный, ротный, рыдванный, салатовъ и салатный, солдатов и солдатский, сатынный, сбруйный (сбройный), смольчажный, смушчатый, снурковый, снурный, соймовый, спиртовый, спичный, стальной, стамедный, стыровый и стырый, столярный и столярский, табачовый, табачный и табацкий, триповый, трипный и трипчатый, шкилевый* и др. В ряде случаев затруднительно однозначно установить, является прилагательное исконным, образованным на базе русского языка или заимствованным, см., например: *сталеый* (от *сталь* или сразу от польск. *stałowy*), *помаранчевый* (от *помаранча* или сразу из польск. *pomarańczowy*).

Особенностью функционирования относительных ИП в этот период, обусловленной активностью морфологических способов словообразования в русском языке XVI–XVII вв., является широкая синонимия однокоренных лексем, см. целые ряды дублетных или частично совпадающих по семантике слов: *вражеский – вражий – вражебный, вишенный – вишневый – вишеный вишняжный – вишний, жнитвенный – жнитенный – жниченый, зауморный выморочный* и т.п.

Таким образом, в памятниках старорусского языка увеличивается количество фиксаций относительных ИП и существенно возрастает сам фонд этих слов. Большинство относительных ИП образуется с помощью словообразовательных средств русского языка, в том числе и от заимствованных основ (как из восточных, так и из европейских языков). Характерна широкая синонимия однокоренных относительных ИП.

Формирование типовой семантики относительных прилагательных

Согласно пропозиционно-актантному подходу семантика относительных ИП не может быть сведена к чистому отношению и определяется в зависимости от конкретного контекста, см. значения прилагательного *гонный* 'предназначенный для езды' (*гонный мерин*), 'такой, где живут ямщики' (*гонная слобода*), прилагательного *запасной(-ый)* 'имеющийся в запасе' (*запасная Ёства*), 'предназначенный для хранения запасов' (*запасные анбары*), 'предназначенный для перевозки запасов' (*хлебный запасный дощаник*), 'связанный с покупкой (продажей) запасов' (*запасная купля*), 'ведущий сбором или доставкой к месту назначения налога по заготовке запасов' (*запасные диаки и подьячие*). Семантика относительных прилагательных определяется их сочетаемостью с соответствующими существительными, и каждое такое новое значение обладает приращениями смысла, которые не могут быть проигнорированы. Сведение значения относительных ИП к так называемой относительной семантике не позволяет понять очень многие контексты, ср. информативность толкований *гнездный (дуб)* 'прил. к гнездо' или 'растущий в плотной группе деревьев или кустарников', *каменная (речка)* 'прил. к камень' или 'имеющий каменистое русло', *выходные (деньги)* 'прил. к выход' или 'выдаваемый лицам, вернувшимся из плена или переехавшим на Русь для службы' и т.п.

Значение относительных ИП характеризуется следующим парадоксом: с одной стороны, для них в целом нетипична развитая семантическая структура, с другой стороны, количество оттенков отношения, развиваемых относительными ИП, фактически не поддается исчислению. При этом относительные ИП могут обозначать самые разные приращения смысла, обозначая причину явления (*волосатичная болезнь*), функцию предмета (*бардяной чан, вевосые гири*), способ производства, изготовления чего-л. (*вывейный хлеб, ваворвинная бечева*), состав чего-л. (*вапнистая вода, гайдуцкое войско*), материал, из которого изготовлен предмет (*восковая свеча, гарусные чулки*), расположение предмета (*воротный образ*), время чего-л. (*весновая служба*), стоимость чего-л. (*алтынный хлеб*), место службы кого-л. (*архангельский дьячок, вратный сторож*) и т.д. и т.п. Для выявления каких-либо закономерностей семантика ИП должна тщательно изучаться и подробно описываться на основе их функционирования в текстах.

В памятниках XVI–XVII вв. семантика относительных ИП обладала особенно сильной контекстуальной обусловленностью, новый контекст зачастую являлся источником новой семы. При этом именно период XVI–XVII вв. – время активной систематизации семантики относительных ИП. Пополнение и сложение целого ряда тематических групп относительных ИП, их частотное употребление в однотипных контекстах приводят к постепенному сложению типовой семантики относительных ИП.

Такие значения развивают лексемы одного словообразовательного типа в часто встречающихся контекстах. Например, ИП, образованные от названий металлов, развивают значение 'содержащий этот металл, руду этого металла' (*золота копь, болот рудяных железных, медные, оловяные. железные, мосяровые руды*), 'изготовленный из этого металла' (*золотая чарка, колтки се-*

ребряные, гвоздь железный), 'относящийся к производству и торговле этим металлом' (*железный ряд, железный завод*); ИП, образованные от названий деревьев, имеют собственно относительное значение (*буковое древо, березовый пенёк, еловая шишка*), семантику 'изготовленный из древесины такого дерева' (*яблонный выносник, березовые дрова, сосновая доска*) с оттенком 'построенный из досок, брёвен из древесины такого дерева' (*березовая изба, погреб дубовой, еловый сруб*), 'состоящий из деревьев такой породы' (*дубовый лесок, сосновый бор, яблонный сад*), 'поросший лесом, состоящим из деревьев такой породы' (*березовый лужок, дубовой островок, ольховое болото*). Ярким примером развития типовых значений могут служить ИП, производные от географических названий; в текстах XVI–XVII вв. формируются типовые значения оттопонимических ИП, а именно: семантика 'проживающий (и служащий) в определенной местности' (*дацкие немцы, елецкой кузнец, болгарский торговый человек, московские стрельцы*), 'являющийся главой соответствующего населенного пункта, местности, владеющий этим населенным пунктом, местностью' (*швейцарская королева, государь московский*), 'находящийся на территории соответствующего населенного пункта, местности' (*московский двор, псковские кабаки, арзамасская вотчина*), 'производимый в соответствующей местности, привезенный из соответствующей местности' (*астраханская икра, амбурское сукно, тафта вавилонская*), 'направляющийся (доставляемый) в соответствующий населенный пункт и прибывший (привезенный) из соответствующего населенного пункта' (*московская присылка, астраханский поход, литовские вести*), 'ведущий в соответствующий населенный пункт' (*Витебская дорога, Владимирский тракт*), 'имеющий хождение, официально принятый в соответствующем регионе' (*большое окольская мера*).

На фоне характерной, частотной семантики хорошо видны нетипичные значения. Например, среди ИП, образованных от названий металлов, только у лексем *золотой* и *серебряный* есть значение 'расшитый золотыми (серебряными) нитями; сплетенный, сотканный из таких нитей' (*золотые подвязки, золотое кружево*), у прилагательного *железный* есть особое значение 'полученный в результате повреждения металлическими предметами, холодным оружием' (*раны железные*); у некоторых ИП, производных от существительных – названий деревьев, появляется семантика 'полученный в результате сожжения дров, изготовленных из соответствующей древесины' (*дубовое уголье, сосновое уголье*), прилагательное *еловый* известно в составе устойчивого сочетания *еловая сера* 'смола', прилагательное *вишнёвый* – в составе сочетания *вишнёвый клей* 'густой сок (камедь) из коры вишнёвого дерева', прилагательное *вербный* – в составе сочетания *Вербное воскресенье* 'православный церковный праздник – воскресенье за неделю до Пасхи, знаменующий вход Иисуса Христа в Иерусалим' (в обиходном языке часто использовалось при обозначении срока).

Таким образом, именно в XVI–XVII вв. в русском языке складываются типовые значения многих групп относительных ИП, их семантика обогащается разнообразными оттенками, дающими возможность их дальнейшего использования в произведениях классической литературы со всевозможными семантическими нюансами.

Функционирование относительных прилагательных в устойчивых сочетаниях

Относительные ИП входят в целый ряд устойчивых сочетаний. Среди этих сочетаний есть безусловные фразеологизмы (например, *с булавочную головку* 'очень маленький', *медные глаза* 'о ком-л. наглom, бесстыдном'), но большинство таких сочетаний представляют собой составные наименования, основная функция которых номинативная и которые выделяются в первую очередь на основе постоянства состава и значения, а не семантического сдвига компонентов. Такие устойчивые сочетания чаще всего являются номенклатурными обозначениями реалий (*анисовая водка, бобки александрийские, грецкий орех*), кроме того, с относительными ИП образуются обозначения стран и местностей (*Аглинская земля (Аглинское государство, Аглинское королевство), Варзужская волость, Замосковные города* 'в XVI–XVII вв. историческое название Северо-Восточной Руси (территории бывших княжеств Владимирского, Ростовского, Суздальско-Нижегородского, Тверского)'), названия мер и денежных единиц (*московское ведро, московская деньга, московский рубль, новгородская гривна*), названия исторических эпох (*воровское время, безгосударное время*). Существительные, определяемые относительными ИП, в массе своей нарицательные, конкретные, предметные, так как составные наименования – это прежде всего названия определенных предметов с указанием их дифференциальных признаков. Этими признаками обычно выступает материал, из которого сделана реалья (*медные деньги, брусничная вода* 'напиток, приготовленный из ягод брусники', *шапка горлатная* 'мужской головной убор в виде цилиндра из горлышек куницы или черно-бурой лисы с бархатным или парчовым верхом', *деревянное масло* 'оливковое масло низкого качества, используемое в лампадах'), отличительные внешние признаки реалии (*бархат рытый (рытный)* 'пушистый бархат с вытисненным узором', *бумага гербовая* 'бумага с изображением государственного герба'), функциональное назначение реалии (*келейные бревна* 'брёвна для верхнего венца сруба', *ямчужные деньги* 'пошлина за изготовление селитры'). Г.В. Судаков подчеркивает, что вид и функция были определяющими признаками при назывании предметно-бытовых реалий [12. С. 93–95]. Реже имеет место указание на место расположения, локализацию реалии (*верхний бой* 'ярус городских стен и башен, где находилось огнестрельное оружие', *задний двор* 'находящийся позади дома огороженный участок земли с жилыми и хозяйственными постройками') или место происхождения реалии (*бурминский жемчуг* 'крупный окатистый жемчуг, привозимый с Востока (от тюрк. названия г. Урмуз (Hormuz, Hurmuz) на побережье Персидского залива), *индейское дерево* 'сандал'), содержание процесса (*дело бархатное*) и др.

Фиксируя определенный устойчивый образ, такие сочетания становятся источником конкретных исторических сведений, например, о технологиях изготовления различных товаров (*двойное золото* 'скованные вместе тончайшие листки золота и серебра', *кричное железо* 'железо, получаемое особым способом в результате обработки давлением крицы (комья из восстановленного железа и шлаков)', *запарное золото* 'раствор золота в ртути, приготовляемый прокаливанием (для ртутно-амальгамного способа золочения)', их внешнем виде (*орел двоеглавый (двуглавый), деисус плечной (поясной)* 'деи-

сус, на котором Иисус Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча и все святые изображены по плечи или по пояс', *гребень решетчатый* 'украшение в виде гребня вдоль конька кровли'), представлениях и верованиях Средневековья (*громовая стрела (стрелка)* 'камнеобразный или стекловидный сплав продолговатой или округлой формы, образующийся от удара молнии в песок (применялся в колдовстве)') и т.д. Устойчивые сочетания с ИП как косвенные номинации отражают набор признаков, существенных для какого-либо явления в определенный исторический период.

Отдельные составные наименования являются уникальными образованиями (например, *галка мушкатная (мушкатовая)* 'мускатный орех', *змиев глаз* 'нарыв, гнойное воспаление'), но большинство таких образований в языке составляют целые ряды сочетаний (иногда конечные, а иногда – открытые, с потенциально неограниченным количеством единиц, см., например: *болезнь зубная, головная, животная, сердечная, камчюжная, месячная, студеная, похмельная, падучая, фрянчужная...*). Функционирование относительных ИП во фразеологических сочетаниях осложнено широкой синонимией, синонимичные прилагательные образуются от разных корней (*скотинный (животинный) дворец*) либо являются однокоренными (*двери северские (северные), орел двоеглавый (двоеглавный)*).

Взаимодействие относительных прилагательных с прилагательными других разрядов

Диахронический материал демонстрирует очень подвижную границу между относительными и притяжательными ИП. И притяжательные, и относительные по происхождению ИП используются как с семантикой 'принадлежащий кому-л.', так и с относительной семантикой. См.: *А велѣтъ есмь ему в тѣх монастырских* ('принадлежащих монастырю') *лѣтъ тѣх тѣх люди всѣх имати, которые без монастырскаго* ('адресованный настоятелю монастыря') *доклада въ их лѣсы поѣдут* (АСЭИ I, 1485 г.), *братский* 'принадлежащий монастырской братии одного монастыря' (*А старицѣ ей [княгине А. И. Шереметевой] давати платье братское* (Кн. корм. Кур.-Б. м., 89, XVII в.), *Да по черномъ священникѣ ФерAPONтѣ Казимировѣ дачи его, при игуменѣ Матвиѣ, денегъ 94 рубля... 3 шубы братския за шесть рублей, и всего дачи на 103 рубля* (Там же, 65), 'составленный, поданный братией' (*Се, г., живет он, строитель, в том монастыре не по нашему брацкому челобитью, и выбору мы [старец Александр с братией] на него не давали* (АХБМ II, 119, 1660 г.)). В широко распространенных устойчивых сочетаниях, указывающих на разные виды социальной зависимости, повсеместно используются и притяжательные, и относительные по происхождению ИП, выступающие как равноправные в лингвистическом отношении: *бобыль попов, дети боярские*. Такая недифференцированность в употреблении притяжательных и относительных ИП может быть интерпретирована либо как повсеместное развитие притяжательной семантики у относительных ИП и относительной – у притяжательных (в ряде случаев это наследие более старого языкового состояния), либо как свидетельство отсутствия категориальной границы между этими

ИП; не случайно, например, в «Русской грамматике-80» притяжательные ИП включены в разряд относительных и рассматриваются как частный случай выражения отношения к предмету [17. С. 1295–1298].

Переход относительных ИП в качественные (а тем более обратный процесс) в старорусском языке значительно менее активен, чем в современном русском языке. В XVI–XVII вв. единственным регулярным и повсеместным процессом такого рода является образование цветообозначений на базе относительных ИП (см. об этом: [18, 19, 20] и др.). Относительные ИП, обозначающие материал или основную составляющую субстанцию, развивают значение цвета, используя и в сочетании с существительным *цвет* (*брусничный, васильковый, гвоздичный, дымчатый, аспидный, песочный, мясной, кирпичный* и др.).

Случаи, когда относительные ИП развивают иное, качественное значение, достаточно редки и не регулярны: *братственный* (*братерский, братский*) используется в формуле *братственная дружба* (и *любовь*), обозначающей мирные, дружественные отношения между монархами, государствами, *государственный* 'имеющий значение для государства, влияющий на внутреннее и внешнее положение государства' (*А в воскресный день никого не судити и в приказах не сидеть, и никаких дел не делати, опричь самых нужных государственных дел* (Улож. 1649 г.), *главный и головной* 'основной, важнейший': *и все главные знамена и малые у них взяты у испанскихъ* (В-К II, 1642 г.), *Велите гсдри на тово моего головного недруга на Петра Красного мнѣ дати свою гсдрву оборон* (МДБП, 1633 г.), лексема *головной* может иметь и семантику 'лучший, отборный': *Да крестьянину дал [староста Грязной] головных смян 2 чети* (Вологод. док., 1617 г.), показательна при этом синонимия с качественными ИП *добрый, хороший* (*лутчий*): *Учал... имать добрыми, головными, лутчими собольми* (Сл. Мангаз., 1637 г.), *Добрѣ жестоко из нашег наряду... стряляли и болюую шкodu починили головные их лутчие пушки и станки попорчены* (В-К V, 1650 г.). Однако в целом в языке XVI–XVII вв. еще не наблюдается регулярной многозначности в развитии у относительных ИП новой категориальной семантики. В это время еще только закладываются основы, намечаются тенденции использования ИП в контекстах с новой семантикой, сопровождающейся меной существенных категориальных свойств.

Выводы

1. В XVI–XVII вв. в русском языке активно развивается группа относительных прилагательных. В текстах этого периода возрастает количество фиксаций относительных ИП (в первую очередь в памятниках делового и народно-разговорного языка), увеличивается и собственно сам фонд этих слов. Складывается база русских относительных прилагательных. Абсолютное большинство относительных ИП образуется с помощью словообразовательных средств русского языка, в том числе активно и от заимствованных основ. Функционирование относительных ИП в этот период осложнено широкой синонимией (нередко дублетностью) однокоренных лексем.

2. О языке периода Московской Руси семантика относительных ИП обогащается разнообразными оттенками и за счет использования в частотных контекстах расширяется и типизируется. Пополнение и сложение целого ряда тематических групп относительных ИП, частотное употребление лексем одного словообразовательного типа в сходных контекстах приводит к постепенному сложению типовой семантики относительных ИП, на фоне которой выделяются и нехарактерные, нестандартные значения.

3. Возрастает роль относительных ИП в предложении и в общем в системе языка. Относительные ИП активно функционируют в устойчивых сочетаниях, прежде всего в составных наименованиях, являющихся номенклатурными названиями предметов. Эти составные наименования часто образуют ряды с варьирующимся определением при определенном существительном.

4. Относительные ИП обнаруживают очень тесную связь и часто недифференцированность семантики с притяжательными ИП. Граница же между семантикой относительных и качественных ИП более устойчива, чем в современном русском языке. За исключением образования цветообозначений на базе относительных ИП от названий предметов характерного цвета в языке XVI–XVII вв. не наблюдается регулярной многозначности в развитии новой категориальной качественной семантики относительных ИП, эти пути только намечаются.

Таким образом, современное языковое состояние и многие динамические процессы в среде русских относительных прилагательных восходят к периоду языка Московской Руси XVI–XVII вв., это период становления системы относительных ИП в русском языке.

Литература

1. Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (Имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983.
2. Ларин Б.А. Проект Древнерусского словаря: (Вводная заметка) // Филологическое наследие: сб. ст. СПб., 2003. С. 595–604.
3. Ермак В.Н. Формирование относительных имен прилагательных в русском языке на базе географических названий в форме множественного числа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1990.
4. Исунова Т.В. Развитие прилагательных с основой числительного *два* в истории русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1992.
5. Корчагина Е.В. Отглагольные прилагательные на *-л-* в истории русского языка (XI–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
6. Кузьмин И.В. История лексико-семантических групп квантитативных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003.
7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–6. СПб.: Наука, 2004–2014.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.
9. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
10. Родионова А.Е. Семантика отсубстантивных относительных прилагательных в системном и коммуникативно-функциональном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1997 [Электронный ресурс]: диссертации по гуманитарным наукам. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-otsubstantivnyh-otnositelnyh-prilagatelnyh-v-sistemnom-i-kommunikativno-funktsionalnom-aspektah#ixzz3jRhn1wZW> (дата обращения: 10.08.2016).

11. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. 760 с.
12. *Гайсина Р.М.* Проблема значения и семантизации отсубстантивных относительных прилагательных // Теория языка и словари: материалы Всесоюз. конф., 1–3 октября 1987 г., Звенигород; Кишинёв: Штиинца, 1988. С. 87–93.
13. *Бурькин А.А.* Из истории прилагательных, образованных от имен числительных в русском языке (наименования мер веса моржового клыка в русских сибирских документах второй половины XVII в.) // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее и будущее: сб. ст. к 155-летию каф. рус. яз. / отв. ред П.А. Клубков. СПб., 2005. С. 59–61.
14. *Рейцак А.К.* Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XVI–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963.
15. *Гилязетдинова Г.Х.* Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. Казань: Казан. ун-т, 2010. 202 с.
16. *Судаков Г.В.* История русского слова. Вологда: ИЦ ВИРО, 2010. 336 с.
17. *Русская грамматика-80: в 2 т.* / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1980.
18. *Алимпиева Р.В.* Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в. // Вопр. семантики: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1982. С. 49–60.
19. *Брагина А.А.* Лексика языка и культура страны. М.: Рус. яз., 1986. 151 с.
20. *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.

Список источников

- А. Солов. м.* – Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1990.
- АСЭИ I* – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XVI – начала XVII вв. Т. 1. М., 1952.
- АХБМ II* – Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. А.И. Яковлева. Ч. 2. М.; Л., 1945.
- В-К II* – Вести-Куранты 1642–1644 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, АИ. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1976.
- В-К V* – Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подгот. В.Г. Демьянов; отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1996.
- Вологод. док.* – Хрестоматия по истории вологодских говоров / сост. Г.В. Судаков. Вологда, 1975. Тексты XVI – нач. XVIII в.
- Кн. корм. Кир.-Б. м.* – Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / предисл. И.П. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археол. о-ва. Т. 1, отд. 3. СПб., 1851. С. 46–98.
- МДБП* – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подгот. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968.
- Россия и Восток (Инд.)* – Вафин Б.Д., Галиуллин К.Р. Россия и Восток: Словарь языка документов по русско-индийским отношениям XVII века. Конкорданс. Обратный словоформуказатель. Частотный словоформуказатель. Казань, 2012.
- Сл. Мангаз.* – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. / сост. Н.А. Цомакион. Красноярск, 1971.
- Сл. Сибир.* – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- Улож. 1649 г.* – Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М., 1959.

RELATIVE ADJECTIVES IN OLD RUSSIAN: FORMATION OF THE SYSTEM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 30–44. DOI: 10.17223/19986645/45/2

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Keywords: adjective, historical lexicology, semantics, collocations, lexical-grammatical groups of adjectives.

The paper deals with the processes taking place in the group of relative adjectives at the period of initial formation of the Russian literary language. The research is based on the database of historical dictionaries and card-files. In the article the author's position about the disputable questions connected with the relative adjectives studying (problems of adjectives division into lexical-grammatical groups, the meaning of relative adjectives and their lexicographical representation) is given. The main part of the article is devoted to the description of the processes of quantity increasing of relative adjectives and formation of their typified semantics in the Russian of the 16th and 17th centuries; the functioning of relative adjectives in collocations and phraseology and their interference with the adjectives of other lexical-grammatical groups in the context of new categorial semantics development are also analyzed.

The research shows that the number of relative adjectives in texts (first of all, in these of business and everyday spoken types of language) and the actual fund of these words increase. A lot of new, unknown before, words and new thematic groups occur. The majority of relative adjectives are created by means of Russian derivation, also including active word-formation from the borrowed bases. Loanwords among adjectives are very rare. The use of relative adjectives during this period is complicated by a wide synonymy, often identity, of single-root lexemes.

The semantics of relative adjectives during this period is enriched with various shades, extended and typified. Typified semantics forms gradually, due to the frequent use of the words of the same derivative type in similar contexts. Non-standard, unique meanings of relative adjectives can be seen at the background of this typified semantics.

Relative adjectives actively function in collocations and phraseology, first of all in composite nominations which are used as nomenclature names of objects. Collocations with relative adjectives reflect a feature set, essential to the perception during a certain historical period.

In the Russian of the 16th and 17th centuries relative adjectives show very close connection and often no differentiation of semantics with possessive adjectives. Transition of relative adjectives into qualitative (and, furthermore, the inverse process) in the Old Russian language is much less active than in modern Russian. Except for the formation of color names on the basis of relative adjectives, the language of the 16th and 17th centuries does not show regular polysemy in the development of new categorial semantics of relative adjectives, these ways are only outlined.

Thus, the current language picture and many dynamic processes in the sphere of Russian relative adjectives go back to the period of the language of the Moscow Russia of the 16th and 17th centuries, at this period the system of relative adjectives in Russian is formed, the role of relative adjectives in the sentence and generally in the system of language grows.

References

1. Petrova, Z.M. (1983) *Razvitie leksicheskogo sostava russkogo yazyka XVIII v. (Imena prilagatel'nye)* [Development of the lexical structure of the 18th-century Russian language. (adjectives)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
2. Larin, B.A. (2003) Proekt Drevnerusskogo slovarya (Vvodnaya zametka) [Project of the Old Russian dictionary (introductory note)]. In: Larin, B.A. *Filologicheskoe nasledie: Sb. statey* [Philological heritage: collection of articles]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Ermak, V.N. (1990) *Formirovanie odnositel'nykh imen prilagatel'nykh v russkom yazyke na baze geograficheskikh nazvaniy v forme mnozhestvennogo chisla* [Formation of relative adjectives in the Russian language on the basis of geographical names in the plural form]. Abstract of Philology Cand. Diss. Dnepropetrovsk.
4. Isupova, T.V. (1992) *Razvitie prilagatel'nykh s osnovoy chislitel'nogo dva v istorii russkogo yazyka* [Development of adjectives with the base of the numeral two in the history of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.

5. Korchagina, E.V. (1995) *Otglagol'nye prilagatel'nye na -l- v istorii russkogo yazyka (XI-XVII vv.)* [Verbal adjectives with -l- stems in the history of the Russian language (11th–17th centuries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Kuz'min, I.V. (2003) *Istoriya leksiko-semanticheskikh grupp kvantitativnykh i lyuminal'nykh prilagatel'nykh v russkom yazyke XII-XX vv. v sistemno-yazykovom i funktsional'no-rechevom aspektakh* [The history of the lexical-semantic groups of quantitative and luminal adjectives in the Russian of the 12th–20th centuries in the system-linguistic and functional-verbal aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
7. Mzhel'skaya, O.S., Generalova, E.V. & Vasil'eva, O.V. (eds) (2004–2014) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI-XVII vv.* [Dictionary of everyday Russian language of the Moscow Russia of the 16th–17th centuries]. Vols 1–6. St. Petersburg: Nauka.
8. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka.
9. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (the grammatical doctrine of the word)]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Rodionova, A.E. (1997) *Semantika otsubstantivnykh otositel'nykh prilagatel'nykh v sistemnom i kommunikativno-funktsional'nom aspektakh* [Semantics of denominative relative adjectives in the system and communicative-functional aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/semantika-otsubstantivnykh-otositelnykh-prilagatelnykh-v-sistemnom-i-kommunikativno-funktsionalnom-aspektah#ixzz3jRhn1wZW>. (Accessed: 10th August 2016).
11. Nikitin, M.V. (1996) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of linguistic semantics]. St. Petersburg: Nauchnyy tsentr problem dialoga.
12. Gaysina, R.M. (1988) [The problem of meaning and semantization of denominative relative adjectives]. *Teoriya yazyka i slovari* [Language theory and dictionaries]. Proceedings of the conference. Zvenigorod. 1–3 October 1987. Kishinev: Shtiintsa. pp. 87–93. (In Russian).
13. Burykin, A.A. (2005) *Iz istorii prilagatel'nykh, obrazovannykh ot imen chislitel'nykh v russkom yazyke (naimenovaniya mer vesa morzhovogo klyka v russkikh sibirskikh dokumentakh vtoroy poloviny XVII v.)* [From the history of adjectives formed from numerals in the Russian language (names of weights of walrus tusk in the Siberian Russian documents of the second half of the 17th century)]. In: Klubkov, P.A. (ed.) *Mysli o russkom yazyke: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Thoughts on the Russian language: past, present and future]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
14. Reytsak, A.K. (1963) *Germanizmy v leksike pamyatnikov russkoy delovoy pis'mennosti XVI-XVII vv.* [Germanisms in the vocabulary of Russian business writing monuments of the 16th–17th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
15. Gilazetdinova, G.Kh. (2010) *Orientalizmy v russkom yazyke Moskovskogo gosudarstva XV-XVII vv.* [Orientalisms in Russian of the Moscow state of the 15th–17th centuries]. Kazan: Kazan State University.
16. Sudakov, G.V. (2010) *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian word]. Vologda: ITs VIRO.
17. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika-80: V 2 tomakh* [Russian grammar-80: In 2 volumes]. Moscow: Institute of the Russian Language, USSR AS.
18. Alimpieva, R.V. (1982) *Stanovlenie leksiko-semanticheskikh grupp tsvetovykh prilagatel'nykh v russkom yazyke pervoy poloviny XIX v.* [Formation of lexical-semantic groups of color adjectives in Russian in the first half of the 19th century]. In: Dubyago, A.I. (ed.) *Voprosy semantiki. Issl. po istoricheskoy semantike* [Issues of semantics. Research on historical semantics]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
19. Bragina, A.A. (1986) *Leksika yazyka i kul'tura strany* [The lexicon of language and culture of the country]. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Bakhilina, N.B. (1975) *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [History of color terms in the Russian language]. Moscow: Nauka.

Sources

- A. Solov. m. – Liberzon, I.Z. (1990) *Akty Solovetskogo monastyrya 1572–1584 gg.* [Acts of the Solovetsky Monastery of 1572–1584]. In: *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severa Rossii kontsa*

XV–XVI vv. [Acts of the socio-economic history of the Russian North of the end of the 15th and 16th centuries]. Leningrad: Nauka.

ASEI 1 – Grekov, B.D. (ed.) (1952) *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-vostochnoy Rusi kontsa XVI – nachala XVII vv.* [Acts of the socio-economic history of the Russian North of the end of the 16th and early 17th centuries]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.

AKhBM II – Yakovlev, A.I. (ed.) (1945) *Akty khozyaystva boyarina B.I. Morozova* [Acts of the economy of Boyar B.I. Morozov]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

V K II – Kotkov, S.I. (ed.) (1976) *Vesti-Kuranty 1642–1644 gg.* [Current news of 1642–1644]. Moscow: Nauka.

V K V – Vomperskiy, V.P. (ed.) (1996) *Vesti-Kuranty 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 gg.* [Current news of 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660]. Moscow: Nauka.

Vologod. dok. – Sudakov, G.V. (1975) *Khrestomatiya po istorii vologodskikh govorov* [Readings on the history of Vologda dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute.

Kn. korm. Kir.-B. m. – Anon. (1851) Kormovaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Record book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Zapiski Otd. rus. i slav. arkheologii Arkheolog. O-va.* 1:3. pp. 46–98.

MDBP – Kotkov, S.I., Oreshnikov, A.S. & Filippova, I.S. (1968) *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII v.* [Moscow business and everyday writing of the 17th century]. Moscow: Nauka.

Rossiia i Vostok (Ind.) – Vafin, B.D. & Galiullin, K.R. (2012) *Rossiia i Vostok. Slovar' yazyka dokumentov po russko-indiyskim otnosheniyam XVII veka. Konkordans. Obratnyy slovoformoukazatel'. Chastotnyy slovoformoukazatel'* [Russia and the East. Dictionary of language of documents on Russian-Indian relations in the 17th century. Concordance. Reverse word form index. Frequency word form index]. Kazan: Kazan State University.

Sl. Mangaz. – Tsomakion, N.A. (1971) *Slovar' yazyka mangazeyskikh pamyatnikov XVII – pervoy poloviny XVIII v.* [Dictionary of language of Mangazeya monuments of the 17th – the first half of the 18th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.

Sl. Sibir. – Panin, L.G. (1991) *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri XVII – pervoy poloviny XVIII v.* [Dictionary of Russian folk dialect speech in Siberia in the 17th – the first half of the 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.

Ulozh. 1649 g. – Anon. (1959) Sobornoe ulozhenie tsarya Alekseya Mikhaylovicha. 1649 g. [1649 Code of Tsar Alexei Mikhailovich]. In: *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Vol. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.